

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [316.2+316.4]:115.4+114/115:316

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-278-285>

Поступила в редакцию 06.03.2020

Received 06.03.2020

Т. М. Шавердо

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ СОЦИУМА: ВРЕМЯ «ДОСТУПНОЕ» И «НЕДОСТУПНОЕ»

Аннотация. Анализируются перспективы социологического изучения пространственно-временных координат социума в единстве онтологии и эпистемологии. Рассматривается философская интерпретация категорий «пространство» и «время» в рамках немецкого идеализма. Эксплицируется процесс «социологизации» трансцендентных идей И. Канта в дюркгеймианской программе: пространство и время как «формы чувственности», присущие субъекту a priori, преобразуются в «категории мышления», имеющие общественное происхождение. Концепты социального времени и социального пространства репрезентируются в контексте социологии Э. Дюркгейма как ритмы коллективной жизни и пространство, занимаемое обществом. Акцентируется внимание на исследовании социального времени в работах П. Сорокина, Р. Мертона, П. Штомпки, Э. Зерубавеля. В качестве точки проблематизации главным образом рассматривается заявленная дихотомия астрономического («количественного») и социального («качественного») времени. Данная дихотомия представляется недостаточно корректной, так как астрономическая концепция времени не отражает «объективное время», а выступает лишь общепринятой шкалой, в соответствии с которой члены социума соотносят свои действия. Во избежание терминологической путаницы предлагается разграничивать следующие категории: «время» как всепроникающий мета-феномен; «временная шкала» как способ освоения времени и универсальный измерительный конструкт; «временная закономерность» как ритмика событий. Обосновывается продуктивность использования категории «темпоральность» в поле социологии.

Ключевые слова: социальное время, социальное пространство, пространственно-временные координаты социума, категории мышления, временная шкала, временная закономерность, темпоральность

Для цитирования: Шавердо, Т. М. Пространственно-временные координаты социума: время «доступное» и «недоступное» / Т. М. Шавердо // Вестн. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 3. – С. 278–285. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-278-285>

Tamara M. Shaverdo

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SPACE-TIME COORDINATES OF SOCIETY: ACCESSIBLE AND INACCESSIBLE TIME

Abstract. The article is devoted to the analysis of prospects for a sociological study of the space-time coordinates of society. The philosophical interpretation of the categories “time” and “space” are considered in the framework of German idealism. The transition of I. Kant’s transcendental ideas to sociology is represented. The origin of the concepts of social space and social time is considered in the framework of the research program of E. Durkheim. Attention is focused on the study of social time in the works of P. Sorokin, R. Merton, P. Shtompka, E. Zerubavel. The dichotomy of astronomical and social time is considered as a point of problematization in sociological research. This dichotomy seems to be insufficiently correct, because the astronomical concept of time does not reflect “objective time”, but acts as a generally accepted scale, according to which people correlate their actions. In order to avoid terminological inaccuracy, it is proposed to distinguish the following categories: “time” as a meta-phenomenon that permeates all spheres of reality; “time scale” as a universal measuring construct; “temporary regularity” as the rhythm of events. The productivity of using the category “temporality” in the analysis of social phenomena is justified in the article.

Keywords: social time, social space, space-time coordinates of society, categories of thinking, time scale, time regularity, temporality

For citation: Shaverdo T. M. Space-time coordinates of society: accessible and inaccessible time. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 3, pp. 278–285 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-3-278-285>

Введение. Пространство и время выступают не только базовыми параметрами бытия, но и неотъемлемыми координатами социального взаимодействия. Социальные и естественные аспекты пространственно-временных отношений универсума тесно переплетаются между собой, образуя

поле человеческой деятельности. В связи с этим категории пространства и времени могут рассматриваться в качестве предельной рамки анализа процессов, происходящих в обществе.

Пространство и время как когнитивно-чувственные категории организуют мышление индивидов, выстраивая первичную рамку восприятия внешнего мира. Такие категории играют роль общего знаменателя и формируют сетку общественно разделяемых значений, синхронизируют и упорядочивают действия социальных акторов.

Социальный пространственно-временной конструкт, надстраиваясь над физической данностью, обростаёт качественными характеристиками, на пересечении которых образуется особое смысловое поле, интериоризируемое и экстериоризируемое индивидами в ходе социальной практики. Пространственно-временная реальность социума аккумулирует в себе базовые принципы общественной организации, что составляет одну из центральных исследовательских проблем социологии.

Онтологический и эпистемологический аспекты изучения пространства и времени. При исследовании феноменов пространства и времени необходимо иметь в виду два полюса – онтологию и эпистемологию. Между данными полюсами возникает вопрос о статусе окружающей действительности и нашей роли в процессе познания. Если принять за истину, что онтологии существуют «сами по себе», независимо от субъектов познания, то между *реальностью* и *знанием о ней* как бы устанавливается знак равенства. В этом случае основная задача исследователя – правильно «отразить» реальность и выразить ее в универсальных законах, что характерно для классического этапа социально-гуманитарных наук [1]. В современной социальной теории, напротив, между полюсом онтологии и эпистемологии устанавливается дистанция: «действительность оказывается доступна познающему субъекту не непосредственно, а только через своеобразный мыслительный конструкт, воссозданный им» [2, с. 48].

Вопрос о том, что есть пространство и время «на самом деле», уже на протяжении многих веков остается лишь вопросом во всем блоке социально-гуманитарного знания. Снять остроту вопроса о сущности этих всеобъемлющих феноменов становится возможным с помощью кантовского конструкта «вещь в себе», который позволяет очертить границы неизвестного и работать с тем, что доступно нашему познанию. Инструменты социологической науки позволяют обнаружить то, каким образом пространство и время проявляют себя в повседневной жизни.

Следует отметить, что социальный пространственно-временной порядок / режим значительно отличается от других пространственно-временных порядков. Если физический и биологический режимы, например, можно назвать *естественными*, то социальный – *конструируется* в ходе человеческого взаимодействия. В соответствии с данными областями реальности выделяются два полярных взгляда на изучение пространства и времени – естественнонаучный и социально-гуманитарный. В контексте данной статьи первый подход служит, скорее, «фоном», а второй выступает «фигурой» и будет рассматриваться детально.

Тематика пространства и времени так или иначе находит отражение в любой науке о человеке и обществе: от субъективного чувства пространственно-временной реальности, исследуемой психологами, до цивилизационных пространственно-временных моделей, составляющих интерес историков. Представители каждой дисциплины делают свой акцент в интерпретации пространства и времени, однако в контексте данной статьи принципиальное значение имеют истоки осмысления пространственно-временных отношений в философии и, конечно же, социологическая перспектива исследования пространства и времени.

Пространство и время в философском дискурсе. В блоке социально-гуманитарного знания вопросы пространственно-временных отношений универсума впервые затрагиваются в философском дискурсе и получают наиболее детальную разработку в рамках немецкого идеализма. Так, И. Кант рассматривает пространство и время как априорные формы чувственности, которые заявляют о себе до всякого прочего знания и опыта: «Пространство есть необходимое априорное представление, лежащее в основе всех внешних созерцаний» [3, с. 78], равно как и время представляет собой «необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний» [3, с. 84]. Время и пространство, таким образом, выступают как условия возможности явлений, а не как их внутреннее свойство. И. Кант поясняет, что мы не можем представить себе отсутствие простран-

ства, хотя вполне можем представить отсутствие в нем предметов; также и время невозможно устранить, хотя явления вполне можно отделить от времени.

Подобная интерпретация носит подчеркнута субъективистский характер, однако при этом философ не отрицает эмпирическую реальность времени, т. е. «объективное значение его в отношении всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам» [3, с. 88]. Т. И. Ойзерман пишет: «Понятие абсолютного пространства и абсолютного времени встречается и у Канта, но он не придает им сколько-нибудь существенного значения, хотя и у него пространство и время подобны вместилищу всей чувственно воспринимаемой реальности, или природы, которую трансцендентальный идеализм интерпретирует в основном субъективистски» [4, с. 10].

А. И. Осипов, раскрывая идеи И. Канта в социологическом ключе, отмечает, что перцептуальный аспект категорий пространства и времени не зависит от индивидуальных особенностей субъектов, а определяется спецификой коллективного восприятия пространственно-временных отношений, которые носят инвариантный характер в контексте определенной эпохи и культуры [5].

Вслед за И. Кантом субъективистскую линию в трактовке пространства и времени продолжает Ф. Шеллинг. Время он рассматривает как объективировавшееся внутреннее чувство, пространство – как объективировавшееся внешнее чувство [6, с. 344]. «Источником» пространства и времени Ф. Шеллинг (как и И. Кант) считает субъект, а процесс объективирования обозначается им как выход созерцаемого за пределы «Я». Ф. Шеллинг представляет интересную схему субъект-объектных отношений: созерцание осуществляется субъектом (или через него), но при этом внешний мир является как бы продолжением организма: «Нет никаких препятствий к тому, чтобы мы воспринимали весь внешний мир как свой организм, в котором мы, как нам представляется, непосредственно присутствуем повсюду, где мы ощущаем» [6, с. 379]. Пространство для Ф. Шеллинга является «чистым созерцанием», т. е. созерцанием, освобожденным от всякого понятия (созерцаемого), следовательно, пространство «вообще не понятие, которое было бы абстрагировано от отношений между вещами; ибо, хотя пространство возникает для меня в результате абстракции, оно тем не менее не есть абстрактное понятие ни в том смысле, в каком таковыми являются категории, ни в смысле эмпирических или родовых понятий» [6, с. 384]. Таким образом, объекты в пространстве как бы созерцаются субъектом внутри себя самого, созерцание же высшего уровня абстракции («трансцендентальное созерцание») оборачивается пространством. Время Ф. Шеллинг рассматривает как «форму созерцания» или, точнее, промежуточное звено между понятием и созерцанием («трансцендентальную схему») [6, с. 387].

В своих воззрениях Ф. Шеллинг тесно сближается с И. Кантом, определяя время и пространство в качестве предельной когнитивно-чувственной рамки восприятия. Однако такой подчеркнута субъективистский ракурс рассмотрения ставит вопрос о статусе «объективной реальности». Ф. Шеллинг, как и И. Кант, не отрицает наличие некоторой данности самой по себе, однако ее доступность для познающего субъекта всегда обуславливается возможностями инструментов познания. В целом, философские воззрения И. Канта и Ф. Шеллинга становятся импульсом для возникновения социального конструктивизма, который имеет принципиальное значение для исследования социального пространства и времени.

Зарождение концептов пространства и времени в социологической науке. Артикуляция пространства и времени в качестве *социальных* феноменов берет начало в социологии Э. Дюркгейма. Дюркгеймианские представления о пространственно-временной реальности во многом базируются на теоретических положениях И. Канта, однако Э. Дюркгейму удается погрузить его трансцендентальные идеи в социальный контекст, «заземлить» их. Таким образом, кантовские категории мета-статуса становятся пригодными для работы на уровне непосредственной социальной реальности.

Социолог рассматривает пространство и время в первую очередь как категории мышления (опираясь на логику И. Канта, определявшего пространство и время как априорные формы чувственности): «В основе наших суждений существует некоторое число важнейших понятий, господствующих над всей нашей интеллектуальной жизнью» [7, с. 185]. Время и пространство входят в число этих фундаментальных понятий, так как без них операции мышления не могут быть

в полной мере реализованы. Они задают базовую рамку нашего мышления и «соответствуют наиболее универсальным свойствам вещей» [7, с. 185].

Задавшись вопросом о происхождении таких понятий, Э. Дюркгейм затрагивает спор априористов и эмпиристов, отдавая предпочтение первым. Априористы считают, что категории мышления «имманентно присущи человеческому уму благодаря его врожденной конституции» [7, с. 190], однако этого недостаточно, чтобы объяснить их *происхождение*. Ответ на вопрос Э. Дюркгейм усматривает в том, что категории мышления формируются коллективно и являются продуктом социума, а не отдельного индивида и его опыта. Социолог отмечает: «Дело не только в том, что общество породило категории, но и в том, что содержанием категорий служат разные аспекты существования в обществе: ...ритм социальной жизни лежит в основе категории времени; пространство, занимаемое обществом, предоставило материал для создания категории пространства...» [8, с. 146]. Так, Э. Дюркгейм преодолевает субъективизм И. Канта, усматривая источником всех категорий мышления общество, «обожеествляя» его.

Индивид вписывается в общество благодаря постоянному соотносению своих локальных переживаний, потребностей с тканью социального. Категории мышления выстраивают сеть общественно разделяемых значений, обеспечивая эффективное взаимодействие между членами социума. Э. Дюркгейм разграничивает индивидуальное переживание / проживание явления и категорию, которая его обозначает. Если индивидуальное восприятие времени, к примеру, может состоять лишь в воспроизведении последовательности событий, произошедших с индивидом, или состояний, пережитых им, то категория «время» представляет собой рамку, «которая охватывает не только наше индивидуальное существование, но и существование человечества» [7, с. 198]. В этом контексте Э. Дюркгейм употребляет понятие «социальное время» – время, которое выступает выражением ритмов коллективной жизни и служит организующей рамкой социальности. Более того, социолог убежден, что время представляет собой «настоящий социальный институт» [7, с. 187].

Сходным образом дело обстоит и с пространством. Чтобы мыслить пространство, необходимо производить постоянную координацию с данными чувственного опыта, но такая координация возможна лишь при условии, что пространство не является чем-то недифференцируемым, а состоит из частей, которые не равны друг другу. При этом сами по себе ни время, ни пространство не имеют сторон, длительностей и пр. Все эти различия приписываются феноменам в соответствии с различными «эмоциональными ценностями» [7, с. 188]. Здесь может показаться, что Э. Дюркгейм будто бы приводит аргумент эмпиризма, однако речь идет о *коллективных* эмоциях, которые представляют собой феномен иного порядка. Эмоциональные ценности в данном контексте выступают продуктом коллективной жизни и играют роль некой общепринятой шкалы, с которой можно соотносить части пространства и моменты времени. Э. Дюркгейм пишет: «Поскольку все люди одной и той же цивилизации представляют себе пространство одинаковым образом, нужно, очевидно, чтобы эти эмоциональные ценности и зависящие от них различия также были общими для них, что почти с необходимостью предполагает их социальное происхождение» [7, с. 188]. Однако, несмотря на то, что представления о пространстве и времени формируются коллективно и впоследствии воспринимаются представителями одного и того же социума сходным образом, пространственно-временная реальность не является раз и навсегда заданной – ее свойства изменяются в ходе социальных практик.

Проблематизация категории «социальное время» в социологии. Феномен *социального времени* получает концептуализацию в середине XX в., благодаря выходу в 1937 г. программной статьи П. Соркина и Р. Мертона «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа» [9]. Основываясь на положениях Э. Дюркгейма, П. Сорокин и Р. Мертон рассматривают время как ритмы коллективной жизни, а в своей работе на первый план выводят проблему релевантности концепции астрономического времени для изучения общественных явлений.

В противовес многим исследователям, убежденным, что «нет системы времени, кроме астрономической или не вполне совпадающего с ней календаря» [9, с. 112], П. Сорокин и Р. Мертон проводят дихотомию астрономического и социального времени. Астрономическая концепция времени привлекательна в своей универсальности – время рассматривается как равномерное,

квантитативное, однородное и «очищенное» от качественных свойств, однако в плоскости социального времени шкала переплетается с тканью событий и неизбежно обретает «качество».

П. Сорокин и Р. Мертон обращают внимание на релятивность социального времени, выраженную в том, что точкой отсчета одного события зачастую выступает другое событие: «Начал бизнес после распада СССР», «Встретимся после работы», «Родился в начале Великой Отечественной войны» и т. д. [9, с. 113–114]. Астрономическая же концепция времени предполагает использование универсальных временных координат («Начал бизнес после 1991 года», «Встретимся после 18 часов», «Родился в 1941 году»). Временные координаты позволяют производить социальное картирование мира, однако «карта», наполненная событиями, оказывается более информативной и выразительной, чем «карта» датировок. Так, например, упоминание о распаде СССР вызывает целый комплекс воспоминаний и представлений о специфическом устройстве социальной реальности этого периода, тогда как указание года наступления события – 1991 – выступает лишь точкой на прямой. Таким образом, П. Сорокин и Р. Мертон настаивают на дихотомии астрономического и социального времени и подчеркивают необходимость анализировать общественные явления в терминах последнего.

Дихотомия, которую проводят П. Сорокин и Р. Мертон, представляется автору настоящей статьи не совсем корректной. В своей работе П. Сорокин и Р. Мертон приходят к выводу, что «социальное время, в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством» [9, с. 116], но анализу подвергается не сам феномен времени, а временные закономерности различных областей реальности (физической и социальной). Астрономическая концепция времени при этом является лишь измерительной шкалой, с которой принято соотносить процессы, происходящие в природе или социуме.

Астрономическая концепция времени наделяется статусом объективности, так как за ее основу взяты незыблемые физические закономерности, однако даже она не является их точной моделью. Это легко обнаруживается на примере варьированности длины недели в различных культурах: «...Восемь дней в раннем Риме, семь – в иудео-христианской традиции, десять – в Китае, пять или шесть дней в отдельных районах Африки и Центральной Америки» [4, с. 73]. Иными словами, астрономическая временная шкала «социализируется» в зависимости от культурного контекста. При этом даже полное совпадение астрономических закономерностей с календарем вряд ли изменило бы устройство нашей жизни: все принятые в обществе практики связываются с временной шкалой только лишь посредством социального соглашения. Сама концепция астрономического времени является продуктом творчества научного сообщества, а значит, конвенциональна по своей природе.

В работе польского социолога П. Штомпки «Социология социальных изменений» [10] тематика времени находит отражение в контексте социальной динамики. Время и пространство рассматриваются им как базовые измерения социальности, имплицитно присутствующие во всех социальных взаимодействиях. В связи с тем, что основной интерес социолога представляют общественные изменения, время рассматривается им через призму событий: «Каждое социальное явление и событие не только связаны с другими, но и сами могут быть разбиты на компоненты, которые в свою очередь также взаимосвязаны по временным параметрам» [10, с. 68]. В своем анализе П. Штомпка использует логику, обратную Э. Дюркгейму, и исходит из онтологических фактов (природы событий), обобщая их на эпистемологическом уровне: «Эти онтологические факты влекут за собой эпистемологические последствия...» [10, с. 67]. Так, время, несмотря на свою «неуловимость», обнаруживает себя для нас через событийный ряд.

П. Штомпка выделяет две ипостаси времени: 1) время как шкала для измерения и упорядочения событий («количественное время»); 2) время как имманентное свойство событий («качественное время»). В первом случае оно рассматривается как своеобразный измеритель любого социального феномена, воплощенный в календарях и графиках. Во втором случае речь идет о временной природе самих событий (их длительности, последовательности, частоте повторения и т. д.).

Такое деление может привести к серьезной терминологической путанице, так как «время» здесь используется для обозначения двух других самостоятельных понятий – «шкала» и «зако-

номерность», при этом мета-статус времени ускользает из виду. Автор настоящей статьи предлагает четко разграничивать данные понятия: время как всепроникающий мета-феномен и категория мышления, шкала как общепринятый измерительный инструмент и закономерность, выражающаяся в ритмике событий.

Попытку создать самостоятельную социологию времени предпринимает современник П. Штомпки – израильский и американский социолог Э. Зерубавель.

В своем анализе Э. Зерубавель продолжает дюркгеймианскую линию и рассматривает время как закономерность социальных событий и действий. Социолог сосредотачивается на изучении конвенциональной природы феномена, а не на попытках дать дефиницию времени как некой эмпирической данности.

Согласно Э. Зерубавелю, временные закономерности пронизывают различные сферы реальности: физическую, биологическую и социальную. При этом исследователь проводит строгое различие физиотемпоральных, биотемпоральных и социотемпоральных порядков, рассматривая первые два как «естественные», а последний как «сконструированный» [11].

Физиотемпоральные и биотемпоральные закономерности обеспечивают довольно высокую степень предсказуемости и позволяют использовать естественную среду как своеобразные часы или календарь. Так, вполне возможно определить время суток по положению солнца на небе или время года по различным природным индикаторам, таким как опадающие листья. Однако жесткое разграничение месяцев, точно так же, как и фиксированную продолжительность суток, отраженную в общепризнанной астрономической концепции времени, с трудом можно назвать воплощением естественных ритмов. Более того, биологические ритмы или физические закономерности могут вовсе не соотноситься с теми практиками, которые распространены в социальной среде в определенное время суток или пору года: «Тот факт, что половой акт в современном городе ограничен часами, когда люди утомлены после трудового дня, может повысить эффективность трудовой жизни для рабочих всех классов, однако только ценой жертвы в личных и органических отношениях» [11, с. 12].

Э. Зерубавель отмечает, что естественные и социальные временные закономерности функционируют сходным образом. Как биологические часы «встроены» в организм человека, так и социальные часы имманентно присутствуют в каждом, кто живет в обществе. Одним из следствий жесткого временного графика социальной жизни является то, что мы легко можем понять который час, просто обратив внимание на действия окружающих. Таким образом, «мы несем внутри себя своего рода “временную карту”, которая состоит из всех наших ожиданий относительно последовательного порядка, продолжительности, временного местоположения и частоты повторения событий в нашей повседневной жизни» [11, с. 14].

Социальное время, будучи сконструированным, обладает такой же степенью объективности для члена общества, как и «биологические часы» для человеческого организма. Э. Зерубавель акцентирует внимание на конвенциональной природе социотемпоральных закономерностей, которые порой не просто не совпадают с физическими и биологическими временными режимами, но и конфликтуют с ними. Так, время подъема диктует рабочий график, а не восход солнца; время отхода ко сну в большей мере определяется не закатом или усталостью, а «поздним часом». Календари и графики регулируют большую часть нашей повседневной жизни и представляют собой успешную попытку установить организацию в противовес спонтанности.

Заключение. Временные режимы человеческой деятельности и пространственная конфигурация общественных отношений аккумулируют в себе базовые принципы социальной организации. Пространство и время как феномены мета-статуса недоступны нашему познанию непосредственно (согласно традиции немецкого идеализма), однако методы социологической науки позволяют выявить, каким образом пространство и время проявляют себя в повседневной жизни.

При исследовании феномена времени автор настоящей статьи предлагает разделять категории «время», «временная шкала» и «временная закономерность». В данной триаде время представляет собой мета-феномен, пронизывающий все сферы реальности; временная шкала выступает как универсальный измерительный конструкт и способ «освоения» времени; временная закономерность отражает ритмику событий. «Недоступность» времени обуславливается его

трансцендентным статусом и отсутствием эмпирической локализации. Однако опосредованно время проявляет себя через событийный ряд и различные временные модели (часы, календари, графики), становясь, таким образом, «доступным» для социологического анализа.

Выстраивая картину мира, мы так или иначе пытаемся привести в «согласие» временные паттерны различных областей реальности (физической, биологической, социальной), что становится возможным благодаря социальной конвенции. Астрономическая концепция времени в данном контексте не отражает «объективное время», а выступает лишь общепринятой шкалой, с которой мы привыкли соотносить свои действия. Таким образом, порядок социальных практик связывается с временной шкалой именно посредством общественного соглашения.

Во избежание терминологической путаницы в поле социологии представляется продуктивным оперировать понятием «темпоральность», которое отражает временную природу феноменов (их продолжительность, последовательность, частоту повторения и т. д.) и не перегружено трансцендентными смыслами, как категория «время». Методы социологической науки в свою очередь позволяют продуктивно исследовать практики «освоения» пространственно-временной реальности и специфику пространственно-временной организации различных культурных общностей.

Список использованных источников

1. Абушенко, В. Л. Современная социология: проблемы, рамки, основания : курс лекций / В. Л. Абушенко. – Минск : Экономпресс, 2016. – 500 с.
2. Шавердо, Т. М. Онтологический и эпистемологический аспекты исследования социальных феноменов / Т. М. Шавердо // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14–15 нояб. 2019 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Г. П. Коршунов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 48–49.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского. – М. : Наука, 1999. – 655 с.
4. Ойзерман, Т. И. Кантовская концепция пространства и времени / Т. И. Ойзерман // Кант. сб. – 2009. – № 1 (29). – С. 7–19. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2009-1-1>
5. Осипов, А. И. Пространство и время как категории мировоззрения и регуляторы практической деятельности / А. И. Осипов ; науч. ред. Д. И. Широканов. – Минск : Наука и техника, 1989. – 220 с.
6. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения : в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг ; пер. с нем. М. И. Левиной ; сост., ред. А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1987–1989. – Т. 1. – 1987. – 637 с. – (Философское наследие ; т. 102).
7. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система Австралии / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука: классики мирового религиоведения : антология / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М., 1998. – [Т. 2]. – С. 175–231.
8. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. В. Земскова // Социол. обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 122–154. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-122-154>
9. Сорокин, П. А. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа / П. А. Сорокин, Р. К. Мертон ; пер. с англ. Н. В. Романовский // Социол. исслед. – 2004. – № 6 (242). – С. 112–119.
10. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 415 с.
11. Zerubavel, E. Hidden rhythms: schedules and calendars in social life / E. Zerubavel. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1981. – 189 p.

References

1. Abushenko V. L. *Modern sociology: problems, frameworks, foundations*. Minsk, Ekonompress Publ., 2016. 500 p. (in Russian).
2. Shaverdo T. M. Ontological and epistemological aspects of the study of social phenomena. *Sotsial'noe znanie v sovremenom obshchestve: problemy, zakonmernosti, perspektivy: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 14–15 noyabrya 2019 g.* [Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the international scientific-practical conference, Minsk, November 14–15, 2019]. Minsk, 2019, pp. 48–49 (in Russian).
3. Kant I. *Kritik Der Reinen Vernunft*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1998. 724 S. (in German).
4. Oizerman T. I. Raum- und Zeitkonzeption bei Kant. *Kantovskii sbornik = Kantian Journal*, 2009, no. 1 (29), pp. 7–19 (in Russian). <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2009-1-1>
5. Osipov A. I. *Space and time as categories of worldview and regulators of practical activity*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1989. 220 p. (in Russian).
6. Shelling F. V. I. *Works. Vol. I*. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 637 p. (in Russian).
7. Durkheim E. Elementary forms of religious life. Australia's totemic system. *Mistika. Religiya. Nauka: klassiki mirovogo religiovedeniya: antologiya* [Mystic. Religion. Science: classics of world religious studies: anthology]. Moscow, 1998, vol. 2, pp. 175–231 (in Russian).

8. Durkheim E. Elementary forms of religious life: conclusion. *Sotsiologicheskoe obozrenie = Sociological Review*, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 122–154 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-2-122-154>

9. Sorokin P. A., Merton R. K. Social time: a methodological and functional study. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2004, no. 6 (242), pp. 112–119 (in Russian).

10. Sztompka P. *The sociology of social change*. Oxford, Cambridge, Blackwell, 1993. 348 p.

11. Zerubavel E. *Hidden rhythms: schedules and calendars in social life*. Chicago, University of Chicago Press, 1981. 189 p.

Информация об авторе

Шавердо Тамара Михайловна – аспирант, младший научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). Email: tamara.shaverdo17@ya.ru

Information about the author

Tamara M. Shaverdo – Postgraduate Student, Junior Scientific Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tamara.shaverdo17@ya.ru